

Квартира, которую снял Чэн Цзайе, окнами выходила на юг. Освещение было отличным, и, когда зимой изредка выглядывало солнце, Цзян Шоуянь мог греться в его лучах, не вставая с кровати.

Когда нет душевных сил, дни протекают как в тумане. Раньше Цзян Шоуяню нужно было работать и содержать семью. Когда накатывали эмоции, максимум, что он мог себе позволить, — запереться в ванной и выплакаться. А потом умывался и снова превращался в того самого собранного и невозмутимого Цзян Шоуяня.

Но потом не стало бабушки, и нить, которая связывала его с этим миром, словно оборвалась вместе с ней. Он позволил себе погрузиться во мрак, перестав отличать день от ночи. Он просыпался и снова засыпал, а когда накопил немного сил, первым делом взял оставшийся после кемпинга уголь для барбекю и пошёл в ванную.

Цзян Шоуянь думал, что и в этот раз начнутся дни, когда он не будет понимать, жив ли он ещё и зачем вообще ему жить. Но Чэн Цзайе не дал ему такой возможности. Он позволял Цзян Шоуяню спать сутками — сон сокращал время мрачных мыслей, — но при этом заботился о его здоровье и каждый раз будил его, чтобы покормить.

От долгого сна тело всегда становится ватным. Цзян Шоуянь не то чтобы не мог говорить, просто ему требовалось чуть больше времени, чтобы заставить себя ответить. Он с пустым взглядом качал головой, а Чэн Цзайе, поглаживая его свесившееся с кровати запястье, упрашивал:

— Поешь немного, я ведь уже всё принёс.

Цзян Шоуянь молчал, лишь пальцами бережно очерчивал его брови и глаза, а затем его собственные глаза снова постепенно краснели от слёз.

Зная, что у Цзян Шоуяня нет аппетита, Чэн Цзайе готовил очень лёгкую пищу. Хотя вкус и был пресным, от неё не возникала тошнота, даже если съесть побольше. Чэн Цзайе сидел на краю кровати и кормил его с ласковой настойчивостью, пока пиала с кашей мало-помалу не пустела. Вытянув салфетку, он вытирал уголки губ Цзян Шоуяня и спрашивал, хочет ли тот встать или собирается спать дальше.

Цзян Шоуянь, опустив ресницы, силился что-то сказать, но не смог. Потянув на себя одеяло, он потихоньку сполз вниз. Чэн Цзайе коснулся большим пальцем его виска, подоткнул ему одеяло и сказал:

— Спи.

Цзян Шоуянь слышал, как он на цыпочках вышел из комнаты. Даже звук закрывающейся двери был очень мягким, едва различимым. Цзян Шоуянь моргнул и перевернулся на другой бок. Шторы были задёрнуты не полностью: тонкая полоска дневного света не мешала спать и в то же время не позволяла комнате утонуть в сумрачном безвременье.

Позже Цзян Шоуянь стал спать меньше. В очередной раз проснувшись, он понял, что голоден; полежал, глядя в пустоту, и отправился на поиски Чэн Цзайе.

Тот чистил на кухне яйца. Полностью сняв скорлупу, он отделял желтки от белков. Блендер жужжал и вибрировал, поэтому Чэн Цзайе не замечал появления Цзян Шоуяня, пока его талию не обвили руки, а к шее не прижалась пушистая прядь. Чэн Цзайе на мгновение замер, затем повернул голову, потёрся щекой о волосы Цзян Шоуяня и спросил:

— Проснулся?

Цзян Шоуянь угукнул. Посмотрев на белки в фарфоровой миске, он спросил:

— Зачем ты их отделяешь?

Чэн Цзайе с улыбкой ответил:

— Желтки слишком сухие, ими легко поперхнуться, да и запах у них специфический. Боялся, что тебя это будет раздражать во время еды.

Цзян Шоуянь помолчал немного и тихо возразил:

— Не до такой же степени.

— Угу, — Чэн Цзайе снова повернул голову и потёрся о его волосы, словно никак не мог насладиться этим сполна. — Это я слишком осторожничаю.

На завтрак Чэн Цзайе сварил два яйца, два фиолетовых батата, а также смешал тыкву, соевые бобы и бурый рис, взбив всё это в пюре. Он почистил ещё одно яйцо, на этот раз не отделяя желток от белка, и протянул через плечо Цзян Шоуяню:

— На.

Цзян Шоуянь откусил кусочек и лишь затем снял одну руку с талии Чэн Цзайе, чтобы взять яйцо самостоятельно. Чэн Цзайе стряхнул с пальцев остатки скорлупы и вместе с «хвостиком» за спиной передвинулся к раковине, чтобы помыть руки. Потом повернулся, прислонился к столешнице и какое-то время смотрел на Цзян Шоуяня, который под его пристальным взглядом перестал жевать и, надув щёки, вернул Чэн Цзайе взгляд.

Когда у Цзян Шоуяня было плохое настроение, он не любил зрительный контакт. Засыпая ночью, он либо поворачивался к Чэн Цзайе спиной, либо прятал лицо у него на груди. Его сон был долгим, но беспокойным. Иногда Цзян Шоуянь в ужасе просыпался посреди ночи и тихо жаловался на головную боль. Это тихое бормотание под нос вряд ли могло разбудить крепко спящего человека, но на его голову тут же ложилась ладонь Чэн Цзайе:

— Где болит? Виски или затылок?

Цзян Шоуянь цеплялся за его одежду. В висках и большей части головы пульсировала боль. Чувствуя, как руки мягко массируют его голову, Цзян Шоуянь с трудом спрашивал:

— Почему?

Чэн Цзайе спросонья не сразу соображал, о чём речь:

— Что «почему»?

Цзян Шоуянь:

— Почему ты... так добр ко мне?

Чэн Цзайе окончательно проснулся. Потеревшись губами о его лоб, он совершенно серьёзно ответил:

— Потому что ты этого достоин.

Иногда Цзян Шоуянь не мог совладать с мрачными мыслями. Ему было слишком больно, но он не знал, где именно болит. Душевная болезнь — не обычный недуг, при котором можно получить точный диагноз и рецепт, выпить таблетки и полностью выздороветь. Когда Цзян Шоуянь не мог найти избавления, отчаяние рождало в нём желание забрать Чэн Цзайе с собой на тот свет, но как только эта мысль возникала, он тут же вспоминал, как тепло смотрели на него глаза Чэн Цзайе, как он терпеливо повторял:

— Цзян Шоуянь, ты поправишься. Возможно, завтра, послезавтра или через день. В один прекрасный день ты проснёшься и почувствуешь себя иначе.

И Цзян Шоуянь чудесным образом успокаивался.

Со звонким «дзинь» блендер остановился. Чэн Цзайе повернул голову, чтобы ещё раз взглянуть на Цзян Шоуяня. Тот снова начал жевать, но, как только Чэн Цзайе посмотрел на него, опять перестал. Чэн Цзайе усмехнулся, пригладил его торчащие после сна волосы и ущипнул за щёку:

— Ну почему ты такой милый?

Цзян Шоуянь с напряжённым лицом промолчал. Чэн Цзайе достал из нижнего шкафчика две пиалы и просительным тоном протянул:

— Поможешь перелить пюре?

В редкие моменты, когда Цзян Шоуянь по доброй воле вставал с кровати, Чэн Цзайе поручал ему простые дела, чтобы вовлечь его в жизнь.

После завтрака они вместе помыли посуду. Чэн Цзайе, заметив, что Цзян Шоуянь чувствует себя неплохо, предложил вместе пособирать лего. Он достал из-под журнального столика несколько пенополиуретановых ковриков и соединил их вместе. Последние несколько дней погода стояла отличная: по утрам светило солнце, лучи проникали через балкон прямо в гостиную.

Цзян Шоуянь вертел в руках коробку с конструктором. Набор с лего-розой был совершенно новый — вряд ли его оставили прежние хозяева квартиры.

— Когда ты это купил? — спросил Цзян Шоуянь.

Чэн Цзайе сел рядом, пролистал несколько страниц инструкции и, положив её перед Цзян Шоуянем, ответил:

— Очень удачно совпало, её как раз вчера доставили. Давай устроим соревнование? Кто быстрее соберёт.

Цзян Шоуянь, глядя в инструкцию и собирая основание розы, неспешно ответил:

— Я не буду с тобой соревноваться. — А затем, собрав уже половину и краем глаза заметив, что Чэн Цзайе даже не начинал и всё ещё сортирует детали, изменил своё решение: — Время пошло.

Чэн Цзайе так давно не слышал, чтобы Цзян Шоуянь шутил, что на мгновение замер с зелёной деталькой в руках, а затем повернулся и схватил Цзян Шоуяня за руку:

— Ты жульничаешь! Запрещаю тебе собирать дальше!

Цзян Шоуянь наполовину отвернулся, закрывая руками ещё не законченную розу. Откинув голову назад и попав прямо в объятия Чэн Цзайе, он тихо рассмеялся от этой возни.

— Ничего не знаю, это не считается, — Чэн Цзайе сжал его запястье и придвинул две красные детали: — Эту мы будем собирать вместе.

Цзян Шоуянь так и остался лежать в его объятиях, позволяя прикрепить два лепестка. Они по очереди добавляли деталь за деталью и провозились довольно долго, прежде чем закончили собирать розу вместе с бутоном и стеблем.

Роза из конструктора обладала каким-то холодным механическим духом. Цзян Шоуянь покрутил её в руках. Чэн Цзайе, поглаживая его запястье, осторожно спросил:

— Когда я в прошлый раз ездил домой за вещами, видел под журнальным столиком в гостиной начатые таблетки...

У Цзян Шоуяня никогда не было намерений что-либо скрывать от Чэн Цзайе. В тот день, когда они приехали домой, он уже рассказал ему всё, что должен был. Он знал, что ему необходимо лечиться, но не любил пить таблетки.

Цзян Шоуянь глухо произнёс:

— Я не хочу пить таблетки.

— Угу, — отозвался Чэн Цзайе, а потом мягко спросил: — Почему?

Цзян Шоуяню казалось удивительным, что вещи, которые он не мог сказать Ци Чжоу, было так легко объяснить Чэн Цзайе. Возможно, потому, что у Ци Чжоу уже была своя семья и Цзян Шоуянь не хотел заставлять друга снова переживать. Именно поэтому он улетел в другую страну, намереваясь покончить с собой. Но с Чэн Цзайе всё было иначе. Рядом с ним Цзян Шоуянь испытывал непередаваемое чувство зависимости и опоры.

— Хотя лекарства и могут временно подавлять мои негативные мысли, они также вызывают побочные эффекты, от которых мне очень некомфортно. Я пробовал пить таблетки какое-то время, и мне казалось, будто меня обернули тонкой плёнкой. Всё, к чему я прикасался, казалось ненастоящим, словно между мной и миром возникала какая-то преграда...

Способность Цзян Шоуяня формулировать мысли ещё не восстановилась до конца, поэтому говорил он немного сбивчиво. Чэн Цзайе слушал очень внимательно, время от времени вставляя уместное «угу», чтобы ободрить его и побудить продолжать.

То, что Чэн Цзайе нашёл тот пластиковый пакет под журнальным столиком, было случайностью. Он просто присел на диван, попытался посмотреть на квартиру глазами Цзян Шоуяня и увидел под столиком пакет с логотипом больницы ХХ. Чэн Цзайе тут же сфотографировал результаты анализов и выписанные лекарства и отправил их Чжоу Цзяню. Тот порекомендовал медикаментозное лечение в сочетании с когнитивной терапией.

Чэн Цзайе посмотрел на наклейку с дозировкой на упаковке, открыл её, пересчитал таблетки и написал: «Кажется, он не любит пить таблетки. Принимал их всего четыре дня и бросил».

Чжоу Цзянь: «Если у него такое сильное отторжение лекарств, можно использовать немедикаментозные методы терапии, просто это займёт больше времени».

Чжоу Цзянь: «В каком он сейчас состоянии? Я могу с ним поговорить?»

Раньше состояние Цзян Шоуяня было слишком тяжёлым и Чэн Цзайе никак не мог найти подходящий момент, чтобы предложить ему пообщаться с психологом. Теперь же, слегка покачивая запястье Цзян Шоуяня в своей руке, он произнёс:

— Когда я жил в Сан-Франциско, я познакомился с одним очень хорошим врачом. Его зовут Чжоу Цзянь. Цзян Шоуянь, не хочешь с ним поговорить?

Время сеанса назначили на двенадцать часов дня, у Чжоу Цзяня в это время было восемь вечера. Чэн Цзайе достал планшет, зашёл в WeChat и позвонил по видеосвязи. Чжоу Цзянь сидел в своём кабинете. Обменявшись с Чэн Цзайе любезностями, он естественно перевёл тему на Цзян Шоуяня. Чжоу Цзянь был опытным специалистом и приятным собеседником. Вскоре после начала разговора Чэн Цзайе тихо вышел из комнаты.

Цзян Шоуянь думал, что ему будет очень тяжело заговорить. Хотя он и подготовился морально, но всё же необходимость делиться сокровенными переживаниями с человеком, которого видишь впервые, вызвала внутреннее сопротивление.

Однако за два часа беседы Цзян Шоуянь не почувствовал никакого дискомфорта. Завершая беседу, Чжоу Цзянь пообещал, что не станет посвящать Чэн Цзайе в детали их разговора. Но Цзян Шоуяня явно заботило что-то другое. Чжоу Цзянь заметил это и спросил:

— Есть ещё какие-то вопросы?

Цзян Шоуянь немного колебался, прежде чем сказать:

— Я хочу узнать о том, что было с Чэн Цзайе в Сан-Франциско.

Чжоу Цзянь улыбнулся:

— Я могу тебе рассказать. Но в другой раз, — он расслабленно приподнял брови. — Так когда состоится наша следующая беседа?

Открыв дверь комнаты, Цзян Шоуянь сразу увидел Чэн Цзайе: тот принёс стул, разместился в коридоре на пятчке между диваном и гостиной и пожидал Цзян Шоуяня.

В руках Чэн Цзайе держал три только что собранные из лего розы. С его скоростью за два часа он мог бы собрать гораздо больше, но его мысли были далеко от конструктора. Он то терял нужные детали, то, почти закончив сборку, обнаруживал ошибку, разбирал всё и начинал заново.

Цзян Шоуянь только что закончил разговор с Чжоу Цзянем, во время которого они неизбежно затронули период его жизни в Кашкайше. Когда они только начали об этом говорить, Цзян Шоуяню казалось, будто всё это было в прошлой жизни. Но сейчас, глядя на розы из лего в руках Чэн Цзайе и вспоминая мужчину, который появился перед ним с огромным подсолнухом в руках, Цзян Шоуянь вдруг понял, что прошло не так уж много времени.

Чэн Цзайе был птицей, ветром, горой и домом. Раньше он льнул к Цзян Шоуяню, ластясь и ища внимания, а теперь всё чаще крепко обнимал его, когда Цзян Шоуянь сам прижимался к нему.

— Как пообщались? — спросил Чэн Цзайе, поцеловав его в висок.

Цзян Шоуянь потёрся о его плечо и тихонько промычал что-то нечленораздельное. Чэн Цзайе с улыбкой притворился, что не расслышал. Осторожно приподняв его лицо, он переспросил:

— Что ты сказал?

На этот раз Цзян Шоуянь не стал прятать взгляд. Он очень серьёзно посмотрел в глаза Чэн Цзайе и позвал его по имени:

— Чэн Цзайе.

Сердце Чэн Цзайе дрогнуло.

— Я люблю тебя.

<http://bllate.org/book/14908/1663081>